

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Н. А. МАШКИН, История древнего Рима, М., 1949, 736 стр.¹

Рецензируемый учебник покойного Н. А. Машкина фактически является вторым, дополненным и расширенным изданием (первое издание вышло в 1947 г.). Во втором издании автор учел ряд критических замечаний, сделанных по адресу первого издания, и значительно улучшил его, особенно в части историографии: частично устранены имевшиеся там элементы объективизма, даны более острые политические характеристики работам буржуазных ученых. Учебник в его теперешнем виде представляет большой курс римской истории, насыщенный фактическим материалом и богато иллюстрированный. В части иллюстраций особенно ценно то, что среди них почти нет реконструкций. Очень хорошо, что привлечен обильный нумизматический материал. Здесь, быть может, следовало бы даже кое-что сократить. Фактическая сторона учебника стоит на большой высоте. В этой области, кроме нескольких несущественных ошибок (о них я скажу ниже), автора ни в чем нельзя упрекнуть. Язык хороший, простой и ясный, хотя и несколько суховатый. Приложенная в конце книги библиография достаточно полна. Однако ее следовало бы увеличить работами русских авторов за счет некоторого сокращения иностранных.

Основным недостатком учебника — и в этом отношении второе издание немногим отличается от первого — являются имеющиеся в нем элементы прагматизма. Как известно, прагматизмом в истории называется такое изложение материала, когда каждый отдельный факт объясняется не общей закономерностью исторического процесса, а совокупностью всех предшествующих обстоятельств. Прагматист дает только цепь фактов, прагматист избегает широких обобщений, он склонен больше к анализу, чем к синтезу; прагматист скорее констатирует, чем объясняет².

Само собой разумеется, что я не хочу обвинить в прагматизме учебник Н. А. Машкина в целом. Н. А. Машкин был марксистом, его книга построена на марксистско-ленинской методологии, а нет ничего более враждебного прагматизму, чем марксизм. Я говорю только об элементах прагматизма. Таковые в книге имеются, и я постараюсь это показать на нескольких примерах.

Пятый раздел учебника посвящен эпохе гражданских войн. Это — важнейший период римской истории, и вполне понятно, что автор посвятил ему 152 страницы. Однако напрасно пытались бы мы найти ответ на основной вопрос: что такое были гражданские войны в Риме? Автор не только не дает на него ответа, он его даже не ставит, ограничиваясь буквально следующим: «В 30-х годах II в. до н. э. классовая борьба в Риме вступила в новую фазу. Противоречия общественного строя вылились в открытые восстания рабов и вызвали движение свободной бедноты; социальные конфликты находили свое выражение в гражданских войнах, которые в конечном счете привели к гибели Республики и установлению в Риме монархического правления» (стр. 241). Это все, что сказано о гражданских войнах, как этапе развития римского рабовладельческого общества: не дано ни определения понятия «гражданские войны» применительно к этой эпохе, ни их периодизации. Дальше следует опи-

¹ Печатается в порядке обсуждения учебников.

² Подчеркиваю, что я употребляю здесь термин «прагматизм» не в смысле реакционной «философии действия», а в указанном выше значении, которое применяется в исторической науке.

сание отдельных событий: первое восстание рабов в Сицилии, трибуна́т Тиберия Гракха и т. д. Эти отдельные события описаны хорошо (за немногими исключениями, о которых речь будет ниже), значение каждого из них определено правильно, но внутренней закономерности гражданских войн читатель не увидит.

В связи с этим стоит вопрос о предпосылках принципата. Эти предпосылки изложены в учебнике недостаточно полно. Им посвящена одна страничка, носящая заглавие: «Результаты гражданских войн» (стр. 374). Все дело здесь сводится к субъективно-классовым моментам: ослаблению той прослойки нобилитета, которая поддерживала республиканский строй, жажде гражданского мира у населения Италии, росту среднего землевладения и т. п. Ни слова не сказано о самом основном: о том, какую роль в образовании империи играли провинции, какое значение имело превращение города-государства в «мировую» державу. Эта однобокость в освещении предпосылок принципата есть и в прекрасной в целом монографии Н. А. Машкина «Принципат Августа», на что я обращал внимание в своей рецензии (ВДИ, 1950, № 2).

Возьмем еще пример. Глава XXVI учебника носит название «Императоры династии Юлиев-Клавдиев». Она содержит описание правления Тиберия, Гая Цезаря (Калигулы), Клавдия, Нерона и гражданской войны 68—69 гг. Едва ли можно отрицать, что правление четырех преемников Августа представляет собою определенный этап в развитии ранней империи. Можно спорить о том, как охарактеризовать этот этап, но бесспорно, что, например, внутренняя политика всех четырех императоров представляет некоторое единство. Это единство, на мой взгляд, определялось тем, что императорская власть в этот период еще не нашла достаточно широкой социальной базы. Однако в учебнике не сделано даже попытки поставить эту проблему. Поэтому мало понятной становится гражданская война 68—69 гг. Она теряет свою внутреннюю закономерность и кажется только простой реакцией провинций на политику Нерона («Пышные зрелища и грандиозные постройки требовали огромных средств. Борьбы с провинцией увеличивались, что вызывало недовольство провинциального населения», стр. 454).

Мне кажется, что и в объяснении внешней политики Траяна Н. А. Машкин не избег некоторого прагматизма. «Время Траяна,— пишет он,— ознаменовано широкими наступательными действиями римлян. Этот перелом нельзя объяснять только воинственными планами нового императора» (стр. 478). Дальше говорится о консолидации пограничных «варваров» и об опасности, которая грозила римским границам: «Чтобы предупредить возможную угрозу, Траян в 101 г. совершил поход против Децебала» (стр. 480). Здесь опять остается в тени внутренняя закономерность процесса. Она стала бы более ясной, если бы Н. А. Машкин поставил в связь внешнюю политику Траяна с внутренней. Тогда было бы видно, что эта внешняя политика определялась не столько «воинственными планами» Траяна и «возможной угрозой» со стороны «варваров», сколько сознанием надвигающегося кризиса империи. Тогда более понятной была бы и мирная внешняя политика Адриана и Антонина Пия.

Перехожу к некоторым частным недостаткам учебника Н. А. Машкина. На стр. 126 мы находим странную формулировку для обозначения высших должностных лиц ранней республики: «Во главе государства стояли два консула, которые подобно высшим должностным лицам некоторых латинских городов назывались преторами. т. е. „предводителями“... и судьями». Это определение звучит очень странно: если консулы назывались преторами, то почему Н. А. Машкин все-таки именуется их консулами, а не преторами? Повидимому, эта неудачная формулировка объясняется стремлением соединить две несоединимые линии традиции. Согласно одной, два высших должностных лица республики первоначально назывались преторами и только позднее, когда эта должность приобрела коллегиальный характер, стали называться консулами, т. е. коллегами. Согласно второй, оба высших магистрата с самого начала назывались консулами. Следуя Нибуру, П. В. Нетушпду и другим, я считаю, что первый вариант традиции более достоверен. Н. А. Машкин в первом издании своего учебника придерживался второго варианта: «Во главе государства,— писал он,— стояли два выборных ежегодно сменяемых консула» (стр. 101). Но во втором издании

он, очевидно, попытался объединить оба варианта. Отсюда и получилась эта противоречивая формулировка.

Борьба плебеев с патрициями изложена в учебнике неудовлетворительно. В сущности Н. А. Машкин пересказывает здесь традицию, не подвергая ее критике. Так обстоит дело с первой сессией и учреждением трибуната, с законами Лициния и Секстия. Но в таком случае почему выброшены законы Валерия и Горация? Важнейшему в истории сословной борьбы закону Петеллия и Папирия, которым в Риме уничтожалось долговое рабство, отведено семь строк! Независимо от шаткости традиции о деталях самого закона и его проведения уничтожение долгового рабства в Риме имело огромное принципиальное значение. В этом отношении закон Петеллия и Папирия аналогичен соответствующему постановлению Солона. Во всяком случае, в учебнике этот вопрос нужно было бы осветить во всей его глубине (а он никак не освещен), показав все его значение для развития и в Риме античной формы рабства.

Восстание Аристоника изложено у Н. А. Машкина после реформы Тиберия Гракха. Мне кажется, что такое расположение материала трудно мотивировать. Во-первых, при нем теряется бесспорная связь между первым сицилийским восстанием рабов и событиями, имевшими место в Пергамском царстве. Во-вторых, независимо от вопроса о времени выступления Аристоника в качестве главы восстания, само восстание, несомненно, началось до 133 г., т. е. до трибуната старшего Гракха. Это вполне убедительно показала О. Н. Юлкина.

Как это ни странно, но одной из слабых частей учебника является § 6-й XIX главы — «Восстание Спартака». Этот параграф написан небрежно, в нем есть ошибки и противоречия. Говоря об отказе Спартака идти к Альпам после мутинской победы, Н. А. Машкин повторяет аргумент А. В. Мишулина о неподходящей для дальнейшего похода социальной среде в Цизальпинской Галлии: «Что заставило его отказаться, — пишет Н. А. Машкин, — от первоначального его плана, сказать трудно. Вполне возможно, что в долине реки По и приальпийских местностях, где сохранялось среднее землевладение еще во времена Вергилия и где мало было рабов, Спартак не мог рассчитывать на поддержку местного населения» (стр. 300). Однако несколькими строками ниже мы читаем: «Обладая хорошо организованной и дисциплинированной армией, Спартак намеревался направиться против самого города Рима» (там же). Отсюда, мне кажется, ясны мотивы, заставившие Спартака отказаться от своего прежнего плана: он решил (или его заставили) идти на столицу. Да и Аппиан прямо говорит об этом (I, 116). Н. А. Машкин ошибается, когда он пишет: «Но вначале дела Красса шли также не особенно успешно. Он даже просил сенат вызвать Помпея из Испании и Марка Лициния Лукулла из Фракии» (там же). Дальше говорится о походе Спартака на юг. Но из контекста Плутарха («Красс», 11) ясно видно, что просьбу к сенату о вызове Помпея и Лукулла Красс направил из Бруттия, после того как Спартак вырвался из ловушки, устроенной ему римлянами. До этого у Красса не было никаких оснований просить о помощи. Неясно также из учебника, почему Спартак отказался от похода на Рим. Н. А. Машкин только констатирует: «Отказавшись от похода на Рим, Спартак двигался на юг Италии...» (там же). Никакого объяснения не дано, и отказ Спартака совершенно не мотивирован.

Еще на одном маленьком примере можно показать, что Н. А. Машкин далеко не всегда стремится дать объяснение фактам. Он пишет о битве при Акции: «В начале битвы Клеопатра оставила место сражения и повернула свой корабль обратно; за ней последовал Антоний» (стр. 372). И все. Читатель вправе спросить, чем объясняется этот странный поступок? Можно спорить о мотивах поведения Клеопатры и Антония в роковой для них день 2 сентября. Но нельзя отрицать, что это поведение сыграло решающую роль в дальнейших событиях и что оно было вызвано далеко не одной только «психологией». Бегство Клеопатры, а за ней Антония — не пустяк. Его нужно объяснить, а если у нас нет прямого ответа в источниках, необходимо выдвинуть какую-то гипотезу. Не объясненных, хотя бы гипотетически, фактов в учебнике не должно быть.

Перехожу к немногочисленным фактическим ошибкам учебника. На стр. 5 сена-

торская аристократия названа «родовой». Это неверно. Родовой аристократией были патриции; что же касается сенаторского сословия, то, как известно, это были нобили, т. е. новая знать, образовавшаяся путем «сращивания» верхушки патрициев с верхушкой плебеев. Нобилитет являлся специфически служилой знатью, опиравшейся преимущественно на крупное землевладение. Сам же Н. А. Машкин подчеркивает противоречия между нобилитетом и «аристократией денежной — всадниками» (там же). Бесспорно, что в состав нобилитета входили и остатки старой родовой знати, но эта прослойка не являлась сколько-нибудь значительной и ко II в. до н. э. (именно об этом периоде идет речь в разбираемом месте) сама в сильной степени уже переродилась.

Латинское *manipulus* по-русски лучше передавать словом «манипул», а не «манпула». В учебнике в большинстве случаев мы встречаем «манпулу» (стр. 262, 263, 705) и только один раз «манипул» (стр. 158). В датировке «Апокалипсиса» допущена ошибка. «Он был написан, — читаем мы в учебнике, — в конце 67 или самом начале 68 г., во время гражданской войны, после смерти Нерона» (стр. 549). Как известно, Нерон погиб летом 68 г., так что «Апокалипсис» мог появиться только в конце 68 или в самом начале 69 г. На стр. 584 мы читаем: «В III в. н. э. солдаты представляли собою деклассированную массу». Я думаю, что в такой категорической форме это утверждение неверно. После военной реформы Септимия Севера армия начала до некоторой степени сближаться с гражданским населением, и ряд воинских частей стал терять свой прежний профессионально-деклассированный характер. В самом же учебнике на стр. 564 сказано: «Солдаты получили право жить с семьей, хотя лагерный режим не был отменен. Некоторым пограничным частям были отведены земли, которые небольшими участками давались в надел солдатам. Вследствие этого пограничные войска стали менее мобильными, солдаты были больше, чем раньше, привязаны к своим лагерям».

Хотя работу Н. А. Машкина мы обычно называем учебником, следуя в данном случае за Министерством высшего образования СССР, допустившим книгу «в качестве учебника для исторических факультетов государственных университетов и педагогических институтов», однако я согласен с С. Н. Бенклиевым, который в своей рецензии пишет: «Книга Н. А. Машкина не является учебником, тем более для студентов 1-го курса» (ВДИ, 1952, № 1, стр. 111). Книга Н. А. Машкина, действительно, не учебник. Для этого она слишком велика по объему, слишком сложна по структуре и слишком насыщена фактическим материалом. При тех 40—50 часах, которые мы максимально можем отвести на историю Рима в вузе, и при той недостаточной подготовке, которую по древней истории дает средняя школа, учебник Н. А. Машкина, даже при условии устранения петита, усваивается студентами I курса с величайшим трудом. Это показала вся педагогическая практика последних лет. Чтобы большая и серьезная «История древнего Рима» Н. А. Машкина стала настоящим учебником, ее нужно не механически сократить, а сильно переработать.

Такая переработка совершенно необходима прежде всего потому, что после выхода в свет книги Н. А. Машкина появились гениальные труды И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и «Экономические проблемы социализма в СССР». Положения, выдвинутые в этих замечательных работах, заставляют нас, историков древности, пересмотреть целый ряд взглядов, считавшихся «общепринятыми» в нашей науке. Прежде всего должны быть устранены всякие следы влияния Н. Я. Марра. Правда, нужно отдать должное Н. А. Машкину: он никогда не был сторонником Н. Я. Марра. Однако влияние господствующих воззрений не могло не сказаться на учебнике даже помимо желания автора. Это особенно заметно в вопросе о происхождении этрусков. Марровская теория автохтонного происхождения этрусков, несмотря на всю осторожность высказываний Н. А. Машкина в этом вопросе, пользуется его явным сочувствием.

Еще важнее другое. До сих пор, излагая историю древности, мы почти не учитывали активного влияния надстройки на базис, т. е. на экономику. Работы И. В. Сталина открыли здесь совершенно новые перспективы и возможности.

В свете этого чрезвычайно важного положения должна быть пересмотрена вся римская история с точки зрения активного влияния политической надстройки на рабовладельческий способ производства, на рабовладельческую экономику. Здесь особенно важны четыре момента: образование олигархической республики побилей и ее влияние на формирование рабовладельческого способа производства; демократизация политического строя республики во второй половине II в. до н. э. и воздействие, которое оказал этот процесс на усиление эксплуатации провинций и на развитие рабства; изменения, происшедшие в римской рабовладельческой системе в связи с образованием ранней империи (с Цезаря), и, наконец, величайшая роль политической надстройки поздней империи (домината) в развитии крепостнической системы (прикрепление колонов, ремесленников, курялов и т. д.).

Далее, в курсе римской истории должно быть уделено большое внимание (чего мы, историки-античники, никогда не делали до сих пор) сложным проблемам формирования италийских народностей и поглощения их римской народностью. Должен быть поставлен вопрос о так называемой «романизации» провинций. Историк-античник не может также отмахнуться и от чисто лингвистических вопросов, связанных со всеми этими проблемами.

Наконец, вопрос об «империи Цезаря». Здесь два основных момента. Во-первых, мы должны совершенно четко перестроить нашу периодизацию римской истории, начиная историю империи с Цезаря, а не с Августа. Во-вторых, необходимо в гораздо большей степени, чем мы делали это раньше, подчеркнуть временный, непрочный, военно-административный характер Римской империи, несмотря на то, что она существовала почти пять столетий. В наших работах (в том числе и в книге Н. А. Машкина) до сих пор преувеличивалось хозяйственное единство империи, единый средиземноморский рынок и т. п. Это влияние буржуазных концепций должно быть теперь полностью устранено.

Важные задачи ставит перед историками древнего Рима новейшая работа И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Прежде всего в учебнике необходимо обратить значительно больше внимания на вопросы экономического развития; в частности важно определить время зарождения товарного производства в Риме, наметить этапы его развития и отчетливо показать отличие товарного производства в древности от его значения при феодализме и особенно при капитализме. Не менее важно изучение на конкретном материале истории древнего Рима вопроса о соответствии рабовладельческих производственных отношений уровню развития производительных сил.

Таковы основные новые моменты, которые должны быть внесены в любой учебник истории Рима — будь это переработка курса Н. А. Машкина или новый учебник — в свете последних работ И. В. Сталина.

Проф. С. И. Ковалев

С. И. КОВАЛЕВ, История Рима, ЛГУ, Л., 1948, 807 стр.¹

Советская наука достигла значительных успехов в области создания учебников по истории античного мира. В учебниках по истории Греции и Рима В. С. Сергеева, учебнике по истории Рима Н. А. Машкина, курсах лекций А. В. Мпшулина и А. Г. Бокшанина история древнего мира излагается с позиций марксизма-ленинизма, дается правильное и четкое представление о возникновении, развитии и упадке рабовладельческого общества. Указанными достоинствами обладает также рецензируемая книга, в основу которой положен курс лекций, читаемых С. И. Ковалевым в течение ряда лет студентам Ленинградского университета.

Следует присоединиться к положительной оценке этого труда, которая уже была высказана в советской печати². Автор с правильных методологических позиций сис-

¹ Печатается в порядке

² А. Г. Бокшанин, ВДИ, 1952, № 3, стр. 68—77. *обсуждения учебников.*
ВДИ, 1949, № 3, стр. 129—136 и Е. М. Штаерман

тематически и последовательно прослеживает изменения, происходившие в политической и социально-экономической жизни маленького италийского городка, ставшего впоследствии центром крупнейшей державы Средиземноморья. Исследовательская разработка ряда тем удачно сочетается с популярным изложением материала, что облегчает студенту усвоение содержания основных периодов исторического развития Рима на протяжении многих веков его существования.

При ознакомлении с книгой С. И. Ковалева в первую очередь встает вопрос о композиции этого труда. Построение данной работы далеко не шаблонно. Во Введении автор правильно отмечает, что «длительность и сложность римской истории требуют особого внимания к ее периодизации» (стр. 7). С. И. Ковалев считает подразделение Римской истории на два периода — республику и империю — в высшей степени условными, так как «в основу общепринятой периодизации положен не социально-экономический, а надстроечный момент — форма государственной власти» (стр. 8). По предлагаемой автором более дробной периодизации история республики делится на четыре, а история империи — на шесть периодов. Попытка периодизации истории Рима представляет большой интерес. К сожалению, автор не провел предложенной им же периодизации последовательно во всем тексте работы и ограничился лишь Введением (стр. 8).

В книге имеется ряд несомненных композиционных удач. Так, например, в текст главы XIX (стр. 339—346), посвященной первому Сицилийскому восстанию рабов, включен рассказ о восстании Аристоника. Подобное изложение материала значительно более правильно, чем общепринятое, согласно которому восстание Аристоника излагается оторванно от движений рабов и помещается между реформами Тиберия и Гая Гракхов. Представляется также вполне правильным подразделение времени правления Антонинов на две отдельных главы. Автор говорит: «правление первых четырех принцев этой династии (96—161 гг.) является периодом максимальной устойчивости центральной власти», (стр. 566), а «с момента воцарения Марка Аврелия в империи разразился острый и продолжительный кризис» (566). Подобная периодизация безусловно удачна; она четко отражает изменения, которые произошли в жизни римского общества при последних Антонинах. Композиционно правильно и то, что о ранних договорах Рима с Карфагеном, по данным Полибия, сообщается не в связи с Пуническими войнами, а в разделе, посвященном ранней римской республике. Изложение этого материала в главе VII — «Падение царской власти и образование республики» — дает возможность охарактеризовать международное положение Рима того времени, недостаточно известное нам по другим источникам.

Однако, наряду с большими достоинствами, композиция рецензируемой работы вызывает ряд возражений. Не совсем удачным представляется параллельное изложение материала по экономике, политической истории и культуре. В результате, крупные политические и культурные события излагаются в отрыве от экономических условий, их породивших. Так, например, христианство, происхождение которого нельзя отрывать от социально-политических и экономических условий конца республики и начала империи, последовательно излагается лишь в главе XIV (стр. 705—718), после главы «Монархия Диоклециана и Константина (доминат)». Подобное расположение материала не соответствует указаниям классиков марксизма о социальных корнях христианства; как известно, Ф. Энгельс писал, что христианство, которое возникло в первом веке нашей эры, «...выступало сначала как религия рабов и вольноотпущенных, бедняков и бесправных, покоренных или рассеянных Римом народов»¹. Объединение в одной главе (стр. 512—526) материала по римской культуре конца республики и начала империи также не представляется убедительным. Вследствие такого построения в один раздел попадают Цицерон, Овидий и Ливий, творчество которых отражает различные этапы развития культуры Римского государства.

Общим композиционным недостатком является далеко недостаточное внимание автора к проблематике истории Рима. Это замечание в одинаковой мере относится

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II., стр. 409.